

Разумеется, Тан Чжо, который вчера вечером долго ворочался с боку на бок, так и не понимая, почему сон никак не приходит, сегодня безнадежно проспал.

Когда он, все еще одурманенный глубоким сном, наконец открыл глаза, настенные часы уже безжалостно показывали время после девяти утра.

«Ах, неужели уже так поздно...» – лениво подумал Тан Чжо, медленно поднимая руку, чтобы потереть заспанные глаза. Соображалка еще совсем не начала работать, разум пребывал в блаженном тумане.

Оставаясь в режиме предельно пониженного энергопотребления, он кое-как вылез из уютной постели, взъерошил и без того растрепанные волосы и, не удержавшись, громко зевнул.

– Как же хочется спать... – пробормотал он едва слышно.

Посидев некоторое время в полной прострации, Тан Чжо почувствовал сильную жажду. Он нащупал на прикроватной тумбочке термос, но, открыв крышку, с разочарованием обнаружил, что внутри не осталось ни капли воды.

Делать нечего, пришлось окончательно выбираться из кровати. Ступая босыми ногами по ледяному полу, он почувствовал резкий дискомфорт, но, как ни искал, так и не нашел тапочки. Тан Чжо лишь почесал затылок и решил пока оставить эту затею.

Он не стал спешить с умыванием, а просто взял пустой термос и вышел из комнаты, намереваясь сначала налить свежей воды. Проходя по длинному коридору мимо гостевой спальни, Тан Чжо внезапно замедлил шаг, и глаза, до этого полуприкрытые от сонливости, медленно расширились.

Разум, который долго не мог прийти в себя после пробуждения, наконец прояснился. Воспоминания, терзавшие его полночи и не дававшие покоя, вновь с пугающей ясностью всплыли в голове.

«Сейчас уже девять с лишним. Цзюнь Яньсин, должно быть, уже давно встал?»

«Может, он сейчас в кабинете?»

Конечно, он мог, как и вчера, очень рано уйти из дома и вернуться лишь глубокой ночью... Тан Чжо и сам не знал, хочет ли он, чтобы Цзюнь Яньсин был дома, и как ему вообще вести себя при встрече после всего случившегося.

Он механически переставлял ноги, продолжая идти вперед с совершенно одеревеневшим телом. Но стоило ему переступить порог гостиной, как высокая знакомая фигура поднялась с дивана и предстала перед его глазами.

Цзюнь Яньсин повернулся в его сторону, и их взгляды мгновенно столкнулись. В этот момент в гостиной воцарилась такая оглушительная тишина, что, казалось, можно было услышать, как падает игла. И Тан Чжо, и Цзюнь Яньсин отчетливо слышали, как сердца бьются в груди, словно безумные барабаны.

Цзюнь Яньсин осторожно, почти изучающе разглядывал Тан Чжо. Пушистые волосы были совершенно растрепаны, и тот выглядел так, будто только что проснулся, чем очень напоминал мягкого и милого крольчонка.

Однако, опустив взгляд ниже, мужчина слегка замер. Тан Чжо все еще был в свободной пижаме с коротким рукавом, которая в процессе сна сбилась набок, обнажая белую гладкую кожу плеч и шеи, а также едва заметную, соблазнительную ложбинку ключиц...

Глоть.

Цзюнь Яньсин сглотнул слюну и поспешно отвел взгляд, стараясь сохранить самообладание. Заметив, что Тан Чжо в полном оцепенении широко раскрыл глаза от испуга, он сделал два шага вперед, собираясь что-то сказать, но тут –

«Бам!»

Термос выскользнул из рук Тан Чжо, с грохотом рухнул на пол и, подпрыгнув, по чистой

случайности ударил его прямо по пальцам ноги.

– С-с-с... – вскрикнул он.

От резкой боли Тан Чжо мгновенно забыл обо всем на свете и рефлекторно отдернул ногу. Но так как правая нога была закована в гипс, он не удержал равновесие и начал заваливаться назад. Почувствовав, что летит на пол, Тан Чжо невольно зажмурился и в испуге обхватил голову руками.

Однако ожидаемого удара и боли не последовало. Сильные мужские руки надежно подхватили его за талию, и Тан Чжо почувствовал, как тело накренилось, и он оказался в теплых, крепких объятиях. Одновременно с этим раздался глухой звук удара о стену и сдавленный стон мужчины.

Тан Чжо открыл глаза и увидел, что Цзюнь Яньсин, неизвестно в какой момент, бросился к нему. Он успел подхватить его, но сам при этом с силой ударился спиной о стену.

– Т-ты в порядке? – раздался голос Тан Чжо, в котором отчетливо слышались слезы.

Только что он ударил палец ноги, и от боли из глаз брызнули слезы, но сейчас, увидев, как Цзюнь Яньсин пострадал из-за него, он совершенно забыл о собственных мучениях.

Цзюнь Яньсин, прикрыв глаза, переждал приступ боли, а затем медленно покачал головой:

– Все в порядке.

Затем он осторожно просунул вторую руку под колени Тан Чжо, легко поднял его на руки и широким шагом подошел к дивану, бережно усадив на мягкую поверхность.

Когда Цзюнь Яньсин поднимал его, Тан Чжо все еще пребывал в глубоком замешательстве, но в душе внезапно возникло чувство безопасности, которое было просто невозможно описать словами. Он вел себя на редкость послушно, не сопротивляясь и не пытаясь вырваться.

Пока Цзюнь Яньсин усаживал его на диван, теплая большая ладонь мягко, но властно

обхватила лодыжку Тан Чжо, приподнимая ногу...

- Ты... ты опять что задумал? - Тан Чжо внезапно охватило беспокойство. Он попытался выдернуть ногу, но не смог, и лишь уставился на Цзюнь Яньсина с немым, полным тревоги вопросом.

В уголках глаз все еще блестели непролитые слезинки, а плаксивый, мягкий голос совсем не внушал страха. Напротив, он заставлял Цзюнь Яньсина, у которого изначально не было никаких лишних мыслей, предаться опасным фантазиям.

Однако, вспомнив о напряжении в словах юноши и этом многозначительном «опять», Цзюнь Яньсин с трудом подавил беспорядочные мысли.

- Не двигайся, я посмотрю, не поранился ли ты, - спокойно произнес он.

Затем он опустил голову, внимательно и сосредоточенно осматривая левую ногу Тан Чжо. Услышав серьезный тон, Тан Чжо окончательно успокоился и позволил ему осмотреть ушибленный палец.

К счастью, в термосе не было воды, да и упал он не всей тяжестью, так что серьезных травм удалось избежать - только на самом большом пальце выступила кровь, а ноготь слегка треснул.

- А правая нога? Болит? - с заботой спросил Цзюнь Яньсин.

Тан Чжо тихо покачал головой.

- А другие места? Не ушибся?

Дождавшись, пока Тан Чжо снова ответит отрицательно, Цзюнь Яньсин наконец отпустил лодыжку, встал и, уже привычно ориентируясь в пространстве дома, достал с верхней полки шкафа аптечку.

- Есть кровоостанавливающее средство? – уточнил он.

- М-м... да, вот этот порошок, – Тан Чжо быстро нашел и достал нужное лекарство из аптечки.

Цзюнь Яньсин принял порошок, вскрыл упаковку и, обмакнув ватную палочку, осторожно нанес его на рану. Заразившись его спокойствием и хладнокровием, Тан Чжо перестал плакать, хотя порошок и ощутимо пощипывал поврежденную кожу. Он лишь заворуженно смотрел на то, как нежно и искренне заботливо ведет себя Цзюнь Яньсин.

Нанеся лекарство, Цзюнь Яньсин взял марлю и бинт, тщательно и профессионально перевязав палец. Закончив, он поднял взгляд на Тан Чжо и с какой-то беспомощностью и легкой болью в голосе произнес:

- Почему ты постоянно травмируешься?

С самого момента их первой встречи Тан Чжо был буквально весь в синяках и ссадинах. Не успевали старые раны зажить, как неизменно добавлялись новые.

Тан Чжо опомнился и виновато прикусил губу. Он ведь тоже этого не хотел... Взгляд упал на затылок Цзюнь Яньсина. Поколебавшись, он осторожно протянул руку и коснулся того места, которым тот ударился о стену – к счастью, никакой шишки не было.

- Как ты себя чувствуешь? Голова не болит? – тихо спросил он.

Удар был таким сильным, должно быть, очень больно? К тому же Цзюнь Яньсин и так страдал от постоянных головных болей, не стало ли ему хуже после такого столкновения?

Увидев, что Цзюнь Яньсин лишь отрицательно покачал головой, Тан Чжо облегченно вздохнул. Испытывая сильное чувство вины и неловкости, он едва слышно пробормотал:

- Прости...

Видя, что Тан Чжо снова проявляет инициативу, сам приближается к нему и искренне заботится, не испытывая никакого отвращения из-за вчерашнего, Цзюнь Яньсин тоже с облегчением выдохнул.

– Тебе не за что извиняться, просто... – он сделал короткую паузу и тихо добавил, – я тебя напугал.

Цзюнь Яньсин поднял руку, но, вспомнив, что только что трогал его ногу, на мгновение замер в воздухе, а затем осторожно тыльной стороной ладони смахнул одинокую слезинку с уголка глаза.

– Прости.

Его голос звучал невероятно мягко, словно он действительно боялся снова напугать юношу. Тан Чжо не ожидал, что он так скажет, и невольно поднял на него взгляд. В этот момент Цзюнь Яньсин был таким нежным, что в груди Тан Чжо что-то сладко и щемяще заныло.

«Значит, он извиняется за вчерашнее?»

Тан Чжо почувствовал, как уши начинают гореть от прилива крови, и снова опустил голову, тихо спросив:

– Вчера... ты все помнишь?

Цзюнь Яньсин ответил коротко:

– ...М-м.

Похоже, сюжеты из дешевых сериалов, где после алкогольного опьянения наступает полный провал в памяти, к нему совершенно не относятся...

Тогда –

– Ты вчера вел себя так ужасно! – Тан Чжо не стал оставлять это без внимания и сердито высказал ему все, что думает.

Хотя слова были грозными, из-за мягкого, почти просительного тона это звучало по-

особенному кокетливо. Глядя на яркий румянец на его лице и слегка надутые от возмущения губы, Цзюнь Яньсин почувствовал, как у него мгновенно пересохло во рту.

Воспоминания о вчерашнем поцелуе и охватившем его тогда неопишемом удовольствии нахлынули новой волной, искушая его, заставляя отчаянно желать повторить это снова... Почувствовав, как сжалось горло, Цзюнь Яньсин украдкой сглотнул, прикладывая все волевые усилия, чтобы сдержать порыв прижать Тан Чжо к дивану и целовать до полного изнеможения.

- Прости, - выдохнул он.

Он заставил себя отвести взгляд, не решаясь сделать ничего, что могло бы спровоцировать Тан Чжо или напугать его.

У Тан Чжо не было телепатии, поэтому он, естественно, не мог заметить бушующий шторм страсти под этой спокойной и сдержанной внешностью. Снова услышав извинения Цзюнь Яньсина, он почувствовал облегчение, но в то же время его охватило легкое, почти неосознанное разочарование. Так что... это всего лишь извинения?

Осознав это, Тан Чжо невольно покачал головой. А чего он вообще ждал? В этом мире, где существуют только мужчины и женщины, у них, двух мужчин, нет никакого будущего.

- В следующий раз не пей так много, твои пьяные выходки пугают, - наставительно добавил Тан Чжо. - Хорошо, что я не девушка, иначе...

Он внезапно замолчал, почувствовав странную горечь в душе. Хотя он и не девушка, но он ведь омега... T^T

Цзюнь Яньсин тут же с любопытством переспросил:

- Иначе что?

Тан Чжо не выдержал и буквально взорвался. Он схватил ближайшую подушку и принялся изо всех сил бить ею:

- Ты еще спрашиваешь! Это был мой первый поцелуй, ты, большой негодяй!

Цзюнь Яньсин покорно позволил ему себя бить – силы у Тан Чжо было совсем немного, а подушка была мягкой, так что боли он не чувствовал. Несмотря на то, что осознание того, что у Тан Чжо нет к нему ответных чувств, сильно его расстроило, известие о том, что вчерашний поцелуй был для него первым, тайком наполнило сердце тихой радостью.

По крайней мере, теперь он действительно стал для Тан Чжо особенным. Пусть даже таким недостойным и эгоистичным способом.

Вскоре Тан Чжо выдохся и, тяжело дыша, остановился. И тут он услышал, как Цзюнь Яньсин тихо произнес:

– У меня тоже.

Тан Чжо поначалу не понял, а когда осознал истинный смысл сказанного, у него буквально перехватило дыхание. Он покраснел до самых корней волос и лишь спустя долгое время смог выдать:

– Ты врешь!

Видя, с какой непоколебимой уверенностью он это говорит, Цзюнь Яньсин приподнял бровь:

– Почему ты так решил?

– Потому что... потому что...

Тан Чжо замялся, его лицо становилось все краснее, напоминая спелый, сочный персик. Вероятно, из-за сильного волнения исходящий от него едва уловимый сладкий аромат персика стал еще гуще и ощутимее.

А что еще он мог сказать? Признаться, что Цзюнь Яньсин отлично целуется и ему было очень приятно? Как только эта мысль возникла, Тан Чжо снова вспыхнул и захотел зарыться под одеяло, чтобы спрятаться от всего мира. Он крепко обнял подушку и сердито уставился на Цзюнь Яньсина.

Цзюнь Яньсин смотрел на него в ответ, словно терпеливо ожидая объяснений.

- ...

- ...

- Я не хочу больше говорить об этом!

В конце концов Тан Чжо решил резко сменить тему и собрался встать, чтобы поскорее убежать, но Цзюнь Яньсин мягко прижал его обратно к дивану.

- Сиди смирно, скажи, что тебе нужно, - произнес он.

Однако Цзюнь Яньсин первым поднялся и отошел. Отвернувшись, под углом, с которого Тан Чжо не мог его видеть, он медленно сделал глубокий вдох.

Вероятно, после того как долгое сдерживание было нарушено, словно открылся ящик Пандоры, теперь даже просто находиться рядом с Тан Чжо, вдыхая то слабый, то сильный аромат персика, стало для Цзюнь Яньсина сладкой пыткой. Вчера Тан Чжо не стал сводить с ним счеты, воспользовавшись тем, что тот был пьян, но сейчас...

Цзюнь Яньсин наклонился, поднял закатившийся в угол термос, поставил его на журнальный столик, а затем взял кружку, которой обычно пользовался Тан Чжо, и налил ему горячей воды.

- Спасибо, - Тан Чжо, немного успокоившись, взял кружку и сделал осторожный глоток.

Цзюнь Яньсин снова ушел на кухню, а когда вернулся, в руках у него был поднос. На подносе стоял стакан молока, сырный круассан и яичный тарт - вероятно, он заказал доставку, пока Тан Чжо крепко спал. Молоко было подогрето в микроволновке и еще аппетитно дымилось.

- Ешь, - тихо сказал Цзюнь Яньсин, глядя на Тан Чжо.

Тан Чжо взглянул на него, затем на приготовленный завтрак, и почувствовал, будто вернулся домой, где о нем искренне заботятся, когда он болен или ранен. В сердце невольно разлилось приятное тепло.

Только вот...

– Я еще не чистил зубы и не умывался, – Тан Чжо смущенно взъерошил нерасчесанные волосы и добавил: – Я... я сначала схожу умоюсь, – сказав это, он снова попытался встать. Но Цзюнь Яньсин остановил его:

– Хочешь вернуться в комнату?

– М-м... а?

Тан Чжо только кивнул, как Цзюнь Яньсин ловко просунул руку под его колени, другой обхватил за талию и легко поднял на руки. Из-за сильного чувства потери равновесия Тан Чжо подсознательно обхватил Цзюнь Яньсина за плечи, еще плотнее прижимаясь к его широкой груди.

Он широко раскрыл глаза, глядя на профиль Цзюнь Яньсина, находившийся совсем рядом, и румянец, который уже начал спадать, снова густо залил щеки.

– Т-ты что делаешь... – заикаясь, спросил он.

Цзюнь Яньсин с абсолютно серьезным видом ответил:

– Ты только что поранился, не двигайся.

Что ж, этот довод был вполне убедительным. Если бы правая нога не была в гипсе, а ушиблен был только палец, в этом не было бы никакой нужды, но сейчас левый палец все еще ныл от боли, и ходьба определенно создала бы лишнюю нагрузку на правую ногу...

Тан Чжо не хотел остаться инвалидом, поэтому всегда был предельно осторожен при передвижении, а сейчас у него действительно не было выбора. Ему пришлось успокоиться и послушно позволить нести себя в комнату.

Только на полпути, внезапно осознав что-то, он не удержался и снова украдкой взглянул на Цзюнь Яньсина. Разве нельзя было просто донести его на спине? Почему... почему нужно

нести его именно так?

<http://bllate.org/book/18547/1789297>